

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Е. В. Рихтер

«...ЛУЧШЕ ЧАЯ НИЧЕГО НЕТ»

Светлое Чудское озеро на границе России и Эстонии местные жители называли и называют уважительно «морюшком».

Но по-настоящему то здесь три озера: Чудское, Теплое и Псковское. Северный берег Чудского озера называют Принаровьем, западный — Причудьем, к югу от него идет Обозерье — побережье Псковского озера.

Очень русские названия, а ведь это территория Эстонской ССР. Дело в том, что немногочисленные деревеньки западного берега начали стремительно разрастаться в XVIII — начале XIX в., когда из северо-западных русских губерний бежали за рубеж крестьяне и ремесленники, спасаясь от религиозных притеснений и помещичьего гнета. В Причудье расселялись в основном старообрядцы.

Я занимаюсь историей и этнографией русских жителей Причудья. Тема увлекательная, ведь последние главы этой истории — наше время. Мне довелось увидеть, какие удивительные перемены происходят в замкнутом некогда мире староверов, где довлели вековые религиозные традиции.

Исторических документов пока не обнаружено, основной источник — народная память. Поэтому я хожу из деревни в деревню, из дома в дом, сижу в конторах рыболовецких колхозов, у председателей сельсоветов, у директоров школ. Расспрашиваю, записываю, ставлю на полях восклицательные и вопросительные знаки. Работа еще только начата и очень мне здесь нравится. Ну и, конечно, случаются разные неожиданности.

Вот новая для меня деревня Тихеда, по-русски — Тихотка. Никого здесь не знаю. А вечер уже наступил, тени от домов протянулись почти до самой воды. Прошусь на ночлег. Лицо бородатого хозяина приветливо, в доме сумрак, белеют изразцы лежанки (здесь ее называют «лянушка») проглядывает тяжелая городская мебель, в углу совсем темным кажется огромный золоченый киот с иконами.

Очень хочется есть.

— Вот сейчас откормим пастухов и будем ужинать, — говорит старая хозяйка. — С пастухами теперь беда, такие набалованные, не знаешь, чем их и угостить.

Веселые молодые пастухи, наконец, ушли, и мы садимся за стол. Стол пуст, на нем лишь шумит большой медный самовар, стоит вазочка с колотым постным сахаром.

А мне очень хочется есть...

Чай отличный, темно-янтарного цвета, с нежным горьковатым ароматом. Постный сахар, который варят здесь хозяйки, тоже имеет какой-то удивительный вкус. Хочется тотчас же записать рецепт, научиться ва-

ритель самой, чтобы потом порадовать своих городских друзей. Впрочем, как я убедилась позже, это далеко не так просто. И песку килограмм возьмишь и стакан молока выльешь, и ложечку масла положишь, и дождешься крупных «булек», когда сахар раскипится, а момент готовности упустишь, и не застынет он на тарелках, останется вязкой массой с крупными кристаллами...

Но у старых хозяек постный сахар удается всегда. Хозяева пьют по три чашки чаю, я выпиваю две.

— А теперь будем ужинать. Мы-то постимся, а для пастухов варим мясное, вот и вырубайте нас, — говорит мне хозяйка.

Она ставит на стол тушеное мясо с картошкой, жареную рыбу, заливное из рыбы, творог, масло, молоко... Но... выручить как надо я уже не могу: чай, а главное, сахар вполне насытили меня. Не знала, не знала я тогда здешнего порядка — пить чай до еды. В наши дни встретит в Причудье семью, которая не ест скоромного в дни летнего Петровского поста, как довелось мне в деревне Тихеда, почти невозможно. Ведь посты, как и многие другие обязательные старообрядческие предписания ушли в прошлое, отмерли, канули в вечность, а вот чаепития процветают.

Истовость, с какой пьют чай русские жители Причудья, хочется сравнить с тем особым пристрастием к кофе итальянцев и финнов, о котором пишут очевидцы.

Говорят, что финны выпивают за год озеро Сайма, а потом молят бога, чтобы он послал зимой побольше снега.

Чудское озеро не выпьешь, но у причудцев свои тревоги: «чай... да мы на нем, как на вине, пропиваемся», — услышите вы там. Совсем старые старики говорят: «Чай у нас издавна. Свекровь очень чай любила, она не попьет — заболевает, травы никакой не хотела, только чай». Или: «Свекор до старости искал всякие травы, пробовал гуньбу (тмин) заваривать, яблочный лист... А перед смертью сказал — лучше чая ничего нет».

Для чая брали обязательно озерную воду, расстояние от дома до озера в расчет не принималось. У старухи, которая носит воду на коромысле чуть не за километр, спрашиваю, почему она не ходит на соседний колодец. Она отвечает: «Так ведь озерная вода смеется мне в чашечке, а колодезная плачет...»

Определяя состоятельность соседки, женщины говорили: «Ну что у нее не жизнь, ножка на ножку, губы на фарфор...» Девушке, выходящей замуж, жены рыбаков завидовали: «Он сапожник, ты дома будешь сидеть, чай пить да по высокому озерному берегу гулять».

В какой бы семье я ни жила, вижу — к каждому чаепитию заваривают свежий чай, спитой чай и видеть не хотят, называют почему-то щелочью.

Чай считается проверенным средством для поправки здоровья: против желудочного расстройства, головной боли и, наконец, пьют его просто для поднятия настроения.

Без самовара не живет ни одна семья. Самовары: большие, ведерные, и поменьше, на 5 литров, медные и никелированные, шарообразные и цилиндрические — все они истинное украшение кухонь. За самовар садится трижды в день большая семья, кипящий самовар ждет рыбака, пришедшего с озера, самовар несколько раз в день разгнетет и одинокая старуха.

Самовар во время чаепития должен шуметь, уголья для «подшумки» запасают всю зиму, пока топят русскую печь.

В старину без самовара не ездили на покос. Самовар брали женщины, уезжая на озеро со ставными сетями на всю ночь летом, когда мужчины бывали в отхожем промысле. Жадный свекор, собираясь на озеро, не хлеб запырал, а кран от самовара брал с собой. А невестки, рассказы-

вают, деревянный приделывали, заваривали чай, торопились, обжигались под приговоры свекрови — пейте скорее, чтобы старик не увидел...

Я тоже полюбила несравненный причудский чай и могла бы привести еще немало историй и рассказов, услышанных на берегу Чудского озера. «Но что же в этом удивительного?» — скажете вы. Чай сменил в России сбитень уже в XVIII в., а в XIX в. было, наверное, предостаточно чаевников среди русских ремесленников, отходников и мещан.

А удивительно то, что жители западного Причудья — потомки староверов, поморцев и федосеевцев, которые питье чая считали за великий грех. Из поколения в поколение передавались здесь строгие религиозные предписания, неприятие всяких иноземных нововведений, какими были чай, кофе, табак, картофель.

Когда впервые появился в Причудье чай, никто сказать не может. По всей вероятности, принесли его отходники. В отличие от эстонских крестьян земли у староверов не было, но рыболовство и строительное дело кормили их не хуже крестьянского труда. Из деревень Причудья искусные каменщики («мурники») уходили на строительство домов в Петербург и Ригу, зимой занимались подледным ловом. А в посаде Красные Горы (теперь город Калласте) мужчины занимались главным образом ловом рыбы, на Чудском озере — зимой, на Ладожском озере — с ранней весны до осени. Окончив промысел, рыбаки и каменщики на вырученные деньги покупали в Питере не что-нибудь, а иконы старообрядческого письма и самовары.

Преступили староверы закон и перешли от кваса к чаю, очевидно, еще в первой половине XIX в., потому что во второй его половине лишь некоторые старики считали самовары антихристовой машиной, не пили зелье-чай, не потребляли сахар — «антихристов соблазн». К концу XIX в. примирились с чаем даже самые строгие ревнители веры, но, сознавая свою греховность, в дни великого поста пили все же кипяток с изюмом. Упрямыe старики, намучившись с пробами разных трав, вынуждены были признать: лучше чая ничего нет...

Так чай оказался сильнее старообрядческих запретов, сильнее учения суровых наставников.

В экспедициях мне в общем-то не до чаев, я занимаюсь этнографией и социологией. Но я никак не могу пройти мимо этих ритуальных чаепитий, не могу удержаться и не записать слова, которыми лукаво высмеивают жители Причудья свою чайную страсть: «Чай, да мы на нем, как на вине, пропиваемся».
